

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКА В СОЗНАНИИ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: К ВОПРОСУ О ПОТРЕБНОСТИ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ*

Ален Вио

Лаборатория UMR 5478 IKER
Национальный центр научных исследований (CNRS)
Университет Бордо 3
*Domaine universitaire 10, Esplanade des Antilles
33 607 PESSAC Cedex, Франция*

С.А. Москвичева

Кафедра общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются проблемы, связанные с репрезентацией языка в сознании его носителей. Показывается, что нет прямой зависимости между структурной развитостью языка, его исторической судьбой и потребностью в нем.

Ключевые слова: потребность в языке, репрезентация языка в сознании носителей, языковое приграничье, функции языка, социальная и этническая идентичность.

Репрезентация языка в сознании его носителей довольно сложно определяемое явление, хорошо, однако, известное всем, кто проводил социалингвистические исследования. Данное понятие относительно новое в науке. Оно появилось после отказа от рассмотрения языка как имманентной сущности в рамках структурной лингвистики или же только как компетенции/употребления (перформации) в терминах генеративной лингвистики. Описание языковой структуры в рамках вышеупомянутых направлений на выходе давало строго определенные классы, более или менее точно соответствующие реалиям. Однако не только и не столько они определяют будущее языка. Самые прекрасные и совершенные структуры могут оказаться недооцененными или невостребованными обществом. Иррациональ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Потребность в овладении и использовании языков на перифериях языковых пространств: психалингвистический и социалингвистический аспекты», проект № 11-26-17001a/Fra.

ный фактор любви/нелюбви к языку, степени его престижа в языковом коллективе, субъективных представлений о его потенциале может оказаться решающим. Комплекс подобных явлений получил название *репрезентации языка в сознании его носителей*.

Идея репрезентации языка возникает, как правило, в связи с таким представлением языка, которое подразумевает возможность вариативности идиома как структурной целостности, вариативности его использования и его восприятия, что, в свою очередь, предполагает ситуацию языковых контактов (разных языков или разных стратов одного языка), т.е. ситуацию диглоссии, «неравенства» в использовании языков [4]. В специальной литературе репрезентация языка в сознании носителей обсуждается через термины «метаязыковой дискурс», «субъективный дискурс носителей языка», «эпилингвистика», «осознание языка».

Комплекс методов и методик эпилингвистики, помогает «вскрыть» степень осознания языка и его репрезентацию в сознании носителей. Говоря о категориях эпилингвистики, репрезентации языка в сознании носителей или об осознании языка, нужно иметь в виду, что речь идет об идеологических, а не концептуальных категориях, не о реальном репертуаре языка, а о его символическом, даже мифологическом бытии. Однако идеологический характер данных понятий не делает их ни научной фикцией, ни произвольными конструктами. Именно высокий престиж и положительная репрезентация каталанского языка, подавляемого на протяжении большей части XX в., позволили в относительно короткий срок нормализовать язык и придать ему статус официального в Каталонии сразу после падения режима Франко. Но в отличие от бесписьменного карельского языка, каталанский имел блестящую средневековую литературную традицию, а первые попытки кодификации современного идиома относились к концу XIX в. Символом карельского национального возрождения могла бы стать «Калевала», но она была записана в северных районах Карелии, в диалектной зоне собственно карельского языка, близкого к финскому (учеными Финляндии он рассматривается как диалект финского языка) и обработана финским исследователем Э. Леннротом на финском же языке. В российской научной традиции Руны «Калеваль» считаются карело-финским эпосом, во многих западных источниках трактуются как финский эпос.

Репрезентация языка может быть определена как рабочая категория социолингвистики, отражающая результаты размышления носителей языка об их языковой компетенции и практике, т.е. это своего рода осознание языка. В терминах испанской социолингвистики репрезентация языка получила название *социальный образ языка*, что достаточно точно отражает природу этого понятия. Однако в дальнейшем от этого термина отказались, посчитав его узким, поскольку он не включает индивидуальные образы языка, а делает акцент на коллективном сознании.

Важный вклад в разработку данной проблемы внесли Каталанская социолингвистическая школа и Школа Монпелье [3]. Главной их заслугой явился отказ от трактовки ситуации диглоссии в нейтрально-статичных терминах функциональной дистрибуции в духе Ч. Фергюсона или Дж. Фишмана, а описание ее в терминах *конфликта*. В условиях подавления одного из языков самые разные «предрассудки и фантазмы становятся частью лингвистической ситуации и питают

целую гамму поведения по отношению к языку: от чувства стыда и виды, до его идеализации, от отрицания до фетишизации, от стигматизации до мифологизации» [3]. Столь различные на первый взгляд типы поведения на самом деле представляют собой проявления одной сущности, а именно реакции на ситуацию несбалансированной диглоссии. В подобных ситуациях уменьшается роль инструментальной функции языка и возрастает роль символической функции: в частности язык становится маркером идентичности. Вся перечисленная гамма чувств была представлена в высказываниях, полученных во время устных интервью с носителями карельского языка.

Работы Пьера Бурдьё показали корреляцию, существующую между уровнем усвоения языка, его передачей следующему поколению и его престижем, безусловно связанным с репрезентацией языка в сознании носителей. Причем если представление о языке не равно реальным взаимоотношениям с ним, то, тем не менее, связь между его репрезентацией в сознании и языковой практикой вполне реальна и материальна. Здесь репрезентация смыкается с понятием языковой нормы и функционированию языка в социуме. Осознание своего языка (диалекта, социолекта) как «неполноценного», не соответствующего принятой норме, приводит к *коммуникативной неуверенности*, что, в свою очередь, может найти выражение в *гиперкоррекции*, в *языковом нигилизме* или же вообще в *отказе* от языка. Вообще, чем сформированнее в языковом социуме понятие нормы, тем отчетливей осознание и репрезентация языка, поскольку последняя апеллирует к норме-этапону или норме-модели.

Судьба карельского языка во многом была предопределена его положением на границе двух языковых массивов финского и русского, разделенных государственной границей. Вплоть до 90-х гг. XX в. карельский язык, за исключением короткого периода с 1936 по 1940 гг., оставался бесписьменным. Зигзаги языковой политики в Карело-Финской ССР прекрасно описаны в работе Е.И. Клементьева [1]. Мы лишь очень кратко остановимся на наиболее важных с точки зрения репрезентации языка в сознании его носителей моментах, которые стали, как представляется, определяющими в судьбе карельского языка и потребности в нем в XXI в.

Создание Карельской трудовой коммуны явилось результатом подписания Тартуского (Юрьевского) мирного договора, одним из пунктов которого было использование местного народного языка в качестве языка администрации, законодательства и народного просвещения. Однако «вопрос о разработке карельской письменности в начале 20-х гг. даже не ставился» [1. С. 149]. Напротив, «возрождение карельской грамоты» признавалось «ненужным и невыполнимым делом» [2]. Преимущественно финское руководство республики искренне полагало, что функционально развитый финский язык со старой литературной традицией лучше справится с задачами культурного строительства, организации системы образования и ликвидации неграмотности, чем бесписьменный и функционально слабый карельский. Несмотря на то, что финское население в тот момент не превышало 1% от общей численности, а карельское, напротив, составляло более 50%, официальными языками республики стали русский и финский. 1920-е и 1930-е гг. вошли в историю как период финнизации карельского населения.

В 1923 г. на XII съезде РКП(б) был провозглашен курс, получивший название «коренизации» и направленный на развитие местных национальных языков и культур. Чтобы избежать критики со стороны центральных властей за «явную политику насильственной финнизации, финноязычного руководства Карелии» [1. С. 153] ввело в номенклатуру языков название «карело-финский» язык, а вскоре и название «карело-финн» для обозначения титульной национальности. В республике быстрыми темпами начинается разворачиваться создание сети школьного образования на финском языке. «К 1933 году доля карел в возрасте 8—9 лет, получивших грамоту на финском языке, возросла до 75,4%, на финском и русском составила 8,9%, на русском 15,7%» [1. С. 156].

За слишком короткий период с 1936 по 1940 гг., когда карельский язык был провозглашен официальным языком, он не смог обрести устойчивых позиций, хотя и началась беспрецедентная работа по созданию письменности, подготовке учебников и литературы на карельском языке, а в новом 1937/1938 учебном году на него была переведена национальная школа. После «Зимней войны» 1939—1940 гг. финский язык в образовании, культуре и администрации возвращает свои позиции и удерживает в той или иной степени до середины 1950-х гг. В республике устанавливается русско-финское двуязычие, но с абсолютным преимуществом русского языка, обеспечивающим лучшие перспективы социальной мобильности, карельский же язык оказывается все более и более маргинальным. Однако во второй половине XX в. престиж финского языка заметно упал. С одной стороны, он никогда не был для карел языком этнической идентификации, не был и средством внутриэтнического общения. В районах с компактным проживанием карел, так называемых национальных районах Карелии (Олонецкий, Пряженский и Калевальский районы) языком общения вплоть до конца 1950-х — начала 1960-х гг. оставался карельский, в городах и других районах говорили преимущественно по-русски. С другой стороны, закрытые государственные границы свели на нет инструментальную потребность в финском языке.

Вытеснение по политическим и идеологическим причинам карельского языка на периферию коммуникативного пространства на протяжении всего XX в. не способствовало формированию его престижа и резко ограничивало потребности в нем, поставив сам язык фактически на грань исчезновения.

Ренессанс карельского и особенно финского языков начался в конце 1980-х — начале 1990-х гг. С карельским языком были связаны романтические идеи национального возрождения, финский же язык представлялся важным и необходимым прежде всего в экономической сфере. В 1994 г. в Петрозаводске открылась первая финно-угорская школа, где преподавались два диалекта карельского языка (ливвиковский и собственно карельский), вепсский и финский языки. В Университете и Педагогической академии началась подготовка специалистов по карельскому, вепсскому языкам. Однако в начале XXI в. судьба карельского языка продолжает вызывать тревогу. Интерес к нему падает, отделения карельского языка вузов испытывают трудности с набором студентов даже на бюджетные места.

Вместе с тем проведенные исследования показывают, что при скорее безразличном отношении к языку в городах, особенно со смешанным населением, в сельских зонах национальных районах карельский язык все же сохраняет довольно неплохие позиции и положительную репрезентацию в сознании носителей.

Мы предлагаем сравнить две таблицы (табл. 1, 2), отражающие репрезентацию карельского, русского, вепсского и финского языка в сознании молодых жителей республики. Анкетирование было проведено в одной из школ города Петрозаводска и двух школах вне Петрозаводска: Спассогубской и Пряженской средних школах. В опросе приняли участие 83 ученика старших классов: 47 — жители Петрозаводска и 36 — жители районов.

Таблица 1

**Результаты анкетирования школьников 9–11 классов
Петрозаводской финно-угорской школы (апрель 2012 г., n = 47)**

Параметры оценки	Русский	Карельский	Вепсский	Финский
Важный, для общения в семье и с друзьями	1. 0%	1. 78%	1. 89%	1. 34%
	2. 2,1%	2. 13%	2. 4,2%	2. 55%
	3. 95%	3. 6%	3. 4,2%	3. 8,5%
Важный, для общения на местном уровне	1. 0%	1. 66%	1. 74%	1. 23%
	2. 2,1%	2. 25,5%	2. 13%	2. 46%
	3. 95%	3. 8,4%	3. 6%	3. 13%
Важный, для общения в данном районе	1. 0%	1. 55%	1. 74%	1. 27%
	2. 2,5%	2. 36%	2. 19%	2. 53%
	3. 95%	3. 6%	3. 4,2%	3. 14,8%
Важный, для общения в экономической сфере	1. 0%	1. 85%	1. 93%	1. 31%
	2. 2,1%	2. 10,6%	2. 2,1%	2. 34%
	3. 95%	3. 0%	3. 0%	3. 29,7%
Язык, к которому испытываешь теплые чувства, язык культурной самоидентификации	1. 0%	1. 76,5%	1. 87%	1. 17%
	2. 14,8%	2. 14,8%	2. 4,2%	2. 48%
	3. 82%	3. 4,2%	3. 2,1%	3. 28%
Престижный язык публичного общения	1. 8,5%	1. 87,2%	1. 93%	1. 17%
	2. 6%	2. 10,6%	2. 4,2%	2. 46,8%
	3. 85%	3. 0%	3. 0%	3. 31%

Примечание. В ряде анкет были заполнены не все пункты, процент считался от общего количества респондентов, поэтому в ряде случаев сумма процентов не равна 100%.

Таблица 2

**Результаты анкетирования школьников 9–11 класса районных школ
(сентябрь 2012 г., n = 36)**

Параметры оценки	Русский	Карельский	Вепсский	Финский
Важный, для общения в семье и с друзьями	1. 0%	1. 31%	1. 61%	1. 31%
	2. 0%	2. 31%	2. 8%	2. 46%
	3. 100%	3. 15%	3. 8%	3. 0%
Важный, для общения на местном уровне	1. 0%	1. 23%	1. 61%	1. 46%
	2. 8%	2. 46%	2. 8%	2. 31%
	3. 88%	3. 8%	3. 8%	3. 0%
Важный, для общения в данном районе	1. 0%	1. 15%	1. 53%	1. 46%
	2. 0%	2. 38%	2. 15%	2. 23%
	3. 100%	3. 23%	3. 8%	3. 8%
Важный, для общения в экономической сфере	1. 0%	1. 23%	1. 58%	1. 31%
	2. 8%	2. 23%	2. 15%	2. 15%
	3. 88%	3. 31%	3. 8%	3. 15%
Язык, к которому испытываешь теплые чувства, язык культурной самоидентификации	1. 0%	1. 31%	1. 61%	1. 38%
	2. 8%	2. 38%	2. 15%	2. 38%
	3. 88%	3. 8%	3. 0%	3. 0%
Престижный язык публичного общения	1. 0%	1. 46%	1. 61%	1. 46%
	2. 0%	2. 15%	2. 15%	2. 31%
	3. 100%	3. 15%	3. 0%	3. 8%

Школьникам было предложено оценить по ряду параметров свое отношение к русскому, карельскому, вепсскому и финскому языкам. Если данный параметр считался важным, его предлагалось оценить в 3 балла, если менее важным, то в 2 балла, если совсем не важным, то в 1 балл.

Как видно из предложенных таблиц, русский язык в обоих случаях имеет устойчивые позиции, положительную репрезентацию и высокий статус. По всем параметрам превалирует оценка «3». Вепсский язык находится в наиболее уязвимом положении (по всем параметрам он оценен в «1» балл). Различия между городом и сельской местностью проявляются в отношении к карельскому и финскому языкам. В Петрозаводске позиции карельского чуть устойчивее, чем у вепсского языка, но все же превалирует оценка «1», а для финского характерны средние показатели (максимальное число ответов «2»). В селе привлекательность и важность финского языка понижается (в основной массе показателей превалирует «1»), а карельский язык оценивается по средним показателям «2».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Клементьев Е.* Идеология и практика языковой политики в Карелии в 20—30 годы XX века: попытки языкового моделирования. // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009.
- [2] Первый Всекарельский съезд Советов. 11—18 февраля 1921 г. Протоколы. — Петрозаводск, 1990.
- [3] *Boyer H.* Matériaux pour une approche des représentations sociolinguistiques. Eléments de définition et parcours documentaire en diglossie // Langue française. — 1990. — N 85. — P. 102—124.
- [4] *Fenoglio I.* Conscience linguistique // Kontaktlinguistik. Contact Linguistic / Edited by H. Goebel, P.H. Nelde, Z. Stary, W. de Gruyter. — Berlin—New York, 1996. —P. 675—684.

PROBLEM OF LANGUAGE REPRESENTATION IN NATIVE SPEAKER'S MIND IN CONTEXT OF LANGUAGE BORDER ZONE: STUDYING NEED IN KARELIAN LANGUAGE

Alain Viaut

Laboratory UMR 5478 IKER
National Center for Scientific Research (CNRS)
University of Bordeaux 3
*Domaine universitaire 10, Esplanade des Antilles
33 607 PESSAC Cedex, France*

S.A. Moskvicheva

Chair of General and Russian Linguistics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is focused on the issues related to the language representation in the native speaker's mind. It reveals that there are no direct dependencies between the structural language maturity, its historical development, and the speakers' need in its usage.

Key words: language need, language representation in the native speaker's mind, language border zone, language functions, social and ethnical identity.